

БАСТИЛИЯ ИЛИ ФЕДЕРАЦИЯ?

К 234-й годовщине взятия Бастилии

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

14 июля — государственный праздник Франции, приуроченный ко дню, когда в 1789 году восставшими парижанами была захвачена, а затем и разрушена крепость-тюрьма Бастилия, символ ненавистного феодализма и угнетения. Но нынешний свой статус праздник получил только почти столетие спустя, в 1880 году. Однако дискуссии о его исторической привязке к 14 июля 1789 года возникают до сих пор.

Ибо ровно через год после штурма Бастилии, 14 июля 1790 года, торжества в честь падения абсолютизма и единства нации, состоявшиеся на Марсовом поле, называли праздником Федерации. К этому дню в Париж со всех концов страны, из всех департаментов прибыли делегаты, которых именовали «федератами». О Бастилии на празднике вспоминали мало — в основном клялись в верности революции и свободе и говорили о светлом будущем. В своей книге «Праздники Революции» известная исследовательница Мона Озуф пишет, что ни образ Бастилии, ни воспоминание о ее штурме тогда особой роли не играли. Напротив, все клятвы и присяги, приносимые на верность Федерации, иначе говоря, национальному единству страны, были обращены в светлое будущее, наступление которого ожидали едва ли не сразу после праздника. И до сих пор бытует мнение, что 14 июля часть французов отмечает день взятия Бастилии, а часть — праздник Федерации.

Революционный порыв мощно подтолкнул колесо французской истории, и оно закрутилось с невероятной скоростью, рождая все новые и новые революционные даты, отмечавшиеся уже экспромтом, в зависимости от происходивших событий. Главной целью каждого праздника было почтить новые политические институты. Но каким бы — радостным или печальным —

событиям ни посвящались революционные церемонии, они отличались пышностью, театральностью и сопровождалась речами, наполненными аллюзиями и метафорами из истории республиканского Рима. Главным официальным оформителем торжеств являлся художник Жак-Луи Давид, якобинец, депутат Конвента, член Комиссии искусств и Комитета просвещения, отвечавший за организацию гражданских и революционных праздников, а также за пропаганду.

В 1793 году Давид выступил разработчиком плана проведения праздничных торжеств в честь дня Федерации. Однако отмечали этот день уже не 14 июля, когда пала Бастилия, вместе с которой рухнул абсолютизм и была установлена конституционная монархия, а 10 августа, в годовщину свержения этой монархии и установления Республики. И одним из девизов молодой Республики стало «единство и неделимость», а слово «федерализм» приобрело бранное значение.

Свой план официальной части торжеств Давид, именуемый рядом историков «человеком, которому доверили идеализировать эпоху», изложил в Национальном Конвенте. Депутаты постановили план напечатать, афиши с текстом расклеить по всему Парижу и разослать во все департаменты и в армии. Расходы на приготовления к празднеству обязалась оплатить Национальная казна, а двум комиссарам Конвент поручил осуществлять надзор за подготовительными работами и их исполнением.

Не только приготовления, но и, разумеется, сами торжества получали широкое освещение в тогдашней изобильной прессе — как в малотиражных листках, так и в газетах с тысячами подписчиков. Ибо, по словам братьев Гонкуров, «у газеты, этого дитя 1789 года, нет детства; подобно великим рекам, полноводным уже в самом своем истоке, она изначально рождается повелительницей общественного мнения». С началом революции газеты множились, как грибы после дождя: одни исчезали после выхода пяти-шести номеров, другие — после двадцати-тридцати, а некоторые просуществовали более ста лет. Например, официальное правительственное издание «*Gazette nationale ou Moniteur universel*» закрылась только в 1901 году, а газета издателя и журналиста Луи-Мари Прюдома «*Les Révolutions de*

Paris», хотя и дожила только до 1794 года, но число ее подписчиков доходило до двухсот тысяч и более. И в малотиражных листках, и в солидных изданиях — а еще в печатных афишах — день за днем освещались тогдашние события, как частные, так и всенародные.

Широко привлекая материалы самой разнообразной прессы, историк Шарль-Альбер Добан создал своего рода ежедневник, где достаточно подробно изложил события каждого дня 1793 года, или — по республиканскому календарю — Второго года Республики. Так, описание торжеств 10 августа основано на выдержках из постановлений властей, на изложении официальных распоряжений, также приводятся тексты шести речей тогдашнего председателя Конвента Эро де Сешеля, произнесенных им во время праздничного шествия и опубликованных 12 августа в № 224 газеты «*Moniteur universel*». Сам историк пишет об этом следующее: «Мы черпали наш рассказ о празднике и его описание в малоизвестных документальных источниках. И как бы ни были настроены их авторы, восторженно или скептически, все они признавали явленное зрелище величественным и завораживающим. Общественные торжества, поставленные на службу Республике, стали сильными средствами воздействия на массы. Они пленяли, воодушевляли, утешали народ, терпевший многие тяготы, и превозносили его героические усилия. Но необходимо отличать тех, кто полушутя-полусерьезно изобретал все эти грандиозные сцены, от зрителей, попадавших под обаяние зрелищной иллюзии. Республика унесла с собой секрет притягательности для народа этих празднеств, а мы вряд ли сумеем вообразить себе нечто более заурядное, более утомительное и более рутинное, чем церемонии, их заменившие».

Рассказ о ликовании парижан в день 10 августа приводится по изданию: *La démagogie en 1793 à Paris ou Histoire, jour par jour, de l'année 1793. Par C.-A. Dauban. P., 1868.*

Елена МОРОЗОВА

ПРАЗДНИК 10 АВГУСТА

От имени Комитета по народному образованию в Национальном Конвенте выступил Давид с изложением своего плана праздника:

«Комитет по народному образованию поручил мне сообщить вам о приготовлениях к празднику единства, который должен состояться 10 числа августа месяца на Марсовом поле перед алтарем отечества, и я тороплюсь вынести на ваш суд разработанный мною план.

Не удивляйтесь, граждане, если в замысле своем я отойду от привычного всем нам порядка процессии. Вы знаете, что гений свободы не знает преград; и, добиваясь успеха, неважно, какие вы используете средства.

Французский народ, народ благородный и великодушный, народ, воистину достойный свободы, ты станешь главным действующим лицом в зрелище, что развернется перед глазами Предвечного; в тебе одном узнает он творение свое, узрит людей равных, считающих всех своими братьями, людей, словно только что вышедших из божественных рук твоих. И да помогут мне любовь к человечеству, свободе и равенству».

Парижский муниципалитет, ответственный за пребывание в столице депутатов из департаментов, издал свое распоряжение. Призывая секции быть бдительными, он повелел принять все меры, чтобы братские делегации не размещали на постой в домах аристократов. Ибо «честь соблудности священные для нас законы гостеприимства будет предоставлена членам секций, наиболее уважаемым за их добродетели, а также гражданам, оказавшим наибольшее число услуг революции». Гражданам, заслужившим такой почет, выплачивалось подобающее вознаграждение, «дабы они могли как можно лучше принять своих гостей. Портик дома, где будет проживать делегат от департамента, украсят гирляндой из дубовых ветвей; только такие дома удостоятся подобной чести, все же остальные, в том числе и особо отмеченные, украсят трехцветным флажком на кровле».

10 августа 1793 года депутаты, собравшиеся в Конвенте, взамен обсуждения текущих вопросов всем своим составом направились на торжественную церемонию по случаю принятия Конституции¹.

---

¹ В июне 1793 года была выработана новая республиканская Конституция, получившая в результате плебисцита полное одобрение народа. Итоги голосования были представлены на торжествах 10 августа. Официально эта Конституция в действие так и не вступила.

Вставшие до зари французы собрались вместе, дабы отметить праздник единства и неделимости; трогательную сцену их единения осветили первые лучи солнца; сие благословенное светило, изливающее свет свой на весь мир, стало для них символом истины, коей станут они возносить хвалы и гимны. Занимался прекрасный день, ясное и синее небо, казалось, улыбалось вместе со свободным народом.

Люди, собравшиеся на площади Бастилии, на камнях, расположенных среди руин сего древнего оплота деспотизма, с ужасом и возмущением читали надписи, красноречиво свидетельствовавшие о жестокости тиранов, удерживавших здесь свои жертвы:

НАДПИСИ

Эти камни омыты слезами старика.

Он совратил мою жену, а меня упрятал в тюремный каменный мешок.

Алчные дети похоронили меня здесь.

Сей камень не обрел утешения.

Я сорок лет прикован к камню.

Они надели на меня железную маску.

Сартин² смеется над моими несчастьями.

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate³.

Обо мне забыли.

Дети мои! О, мои милые дети!

О, супруг мой!

Ад исторг священников.

Ад изрыгнул королей.

У меня на глазах раздавили моего верного паука.

Больше не могу спать.

Вот уже сорок четыре года, как я умираю.

---

² Начальник парижской полиции при Людовике XV.

³ Оставь надежду, всяк сюда входящий (*ит.*). Надпись над воротами Ада в «Божественной Комедии» Данте.

Среди бастильского щебня и мусора высилась статуя Природы, олицетворявшая источник Возрождения, с надписью: «*Мы все ее дети*».

Из животворящих сосцов Природы, кои та сжимала обеими руками, обильно лилась чистая и целительная вода.

Совершая жертвенное возлияние, председатель Национального Конвента оросил землю свободы живительной водой из источника, а затем, выпив сей воды, произнес речь:

«О, природа, повелевающая и дикими народами, и просвещенными нациями! С первыми лучами солнца свободные люди без счета собрались перед образом твоим, дабы достойно почтить тебя. Ибо в лоне твоём, в твоих священных источниках возродившийся народ обрел свои права. После многих веков заблуждений и рабства он вернулся на предначертанный тобой прямой путь и теперь наслаждается на нем равенством и свободой. О, природа, позволь же французам изъявить преданность твоим законам! А та животворная вода, что исторгается из сосцов твоих, тот чистый напиток, некогда напоивший первых людей, пусть освятит он в чаше Братства и Равенства клятвы, что сегодня приносит тебе Франция, приносит в самый прекрасный день, когда-либо озаренный солнцем, что издавна светит нам из бескрайней Вселенной!»

Завершив речь, председатель Конвента велел передать чашу восьмидесяти шести комиссарам, старшим по возрасту в делегациях первичных собраний восьмидесяти шести департаментов. Комиссаров вызывали в алфавитном порядке, и те, под звуки барабанов и рожков, один за другим, отпивали из чаши и передавали ее следующему. Каждый раз, когда комиссар пил, звучал пушечный выстрел, извещающая граждан о совершении сего акта братства⁴.

После того, как все восемьдесят шесть комиссаров выпили из чаши братства, артиллерийский залп возвестил о дальнейшем следовании кортежа, направившегося по бульварам. Возглавлявшие его народные общества, шедшие в едином общем строю, несли знамя с изображением всевидящего ока, бдительный взор которого пронзал густое облако.

---

⁴ Церемония немного отклонилась от плана, разработанного Давидом. Вот что предлагал Давид: «Далее, на мотив, столь близкий нашим дорогим марсельцам, все участники церемонии станут петь подходящие по случаю куплеты; комиссары же, после того, как осушат чашу, обменяются друг с другом братским поцелуем».

Следом за народными обществами в полном составе шагали депутаты Национального Конвента; каждый из них держал в руке единственный и исключительный знак своего отличия: букет из колосьев и плодов. Восемь членов Конвента несли на носилках открытый ковчег, где лежали скрижали со статьями Декларации прав и Конституционный акт.

Комиссары, делегированные первичными собраниями восьмидесяти шести департаментов, объединенные друг с другом невесомой, но нерушимой связью, а именно, единством и неделимостью, которые символизировала трехцветная лента, сопровождали членов Национального Конвента. Каждый комиссар держал в одной руке пик, врученную ему его департаментом как частицу общей связки пик, а в другой оливковую ветвь, символ мира. На каждой пике крепился флажок с названием департамента. Все делегаты от провинций также несли в руках оливковые ветви.

Когорта посланцев провинциальных собраний поистине являла собой величественное зрелище. Внушительная вереница людей с вдохновенными лицами, людей, чьи глаза блестели от радости, чудесным образом олицетворяла мощь депутатского корпуса французского народа, народа, готового мужественно сражаться против коалиции деспотов, жаждущих уничтожить его свободу.

Следом за депутатами Конвента шел суверенный народ, почитаемый и достойный всяческого уважения. Шагал без определенного порядка и строя, в рядах его не было деления на простых граждан и народных представителей. Все, кто приносил пользу обществу, шли рядом друг с другом, единой массой, и отличить их можно было только по атрибутам ремесел: президент временного исполнительного совета шел рядом с кузнецом, а мэр в трехцветном шарфе рядом с дровосеком и каменщиком; судья, увенчанный шляпой с плюмажем, шел рядом с ткачом и сапожником, а черный африканец, отличающийся от остальных только цветом кожи, шел рядом с белым европейцем. На платформе на колесах везли лучших учеников «Мастерской для слепых», являя тем самым трогательное напоминание об окруженном почетом несчастье. Заняли свое место и грудные младенцы Воспитательного дома, которых несли в ивовых колыбелях; с самого рождения они уже законно пользовались своими гражданскими правами. На атрибутах полезных и почетных орудий ремесла почтенных тружеников читалась

начертанная крупными буквами надпись: *«Благодаяния, которые неутомимый народ оказывает человеческому обществу»*. Среди ремесленников медленно двигалась простая повозка, по величию своему воистину не уступавшая триумфальной колеснице. В повозке сидели старец и его почтенная супруга, а везли повозку их дети, подавая трогательный пример сыновней почтительности и уважения к старости.

Среди различных атрибутов искусств и ремесел, которые торжественно несли в толпе, можно было увидеть и грозное оружие борьбы с тиранией — печатный станок, на котором выгравированы слова: *«Без него нет свободы»*.

Следом торжественно выступала группа воинов, сопровождавшая колесницу, запряженную восьмеркой белых лошадей, где стояла урна с прахом героев, павших славной смертью за родину. Убранная гирляндами и гражданскими венками, колесница двигалась в окружении родственников героев, чьим доблестям и добродетелям воздавали почести. Родные павших, граждане разных возрастов и обоих полов, несли венки из цветов; в курильницах воскуряли ароматы, разливавшиеся в воздухе вокруг колесницы, грозные звуки военной музыки оглашали окрестности. Шествие завершали отряды пехоты и кавалерии, окружавшие людей, толкавших перед собой тачки, где были свалены символы королевской власти, слегка прикрытые ковриками с цветами лилии, и прочие побрякушки невежественного и надменного дворянства. Те, кто сопровождали сей королевский хлам, несли лозунги со словами: *«Народ, смотри: вот то, что всегда составляло несчастье человеческого общества»*.

В указанном порядке кортеж прибыл на бульвар Пуассоньер, к сооруженной там триумфальной арке.

Надпись на первой стене арки гласила:

5 и 6 октября. Подобно бурному потоку, народ хлынул к их дворцам: они исчезли.

Надпись на второй стене гласила:

Женщины гнали перед собой тирана, словно дикого зверя.

С обратной стороны первой стены было написано:

Народное правосудие сурово.

С обратной стороны второй стены:

Народное милосердие бесконечно.

Под аркой шествие встречали героини 5 и 6 октября 1789 года; так же, как и в те дни, они сидели на лафетах пушек⁵. Одни гражданки держали в руках ветви деревьев, другие — добытые ими трофеи, убедительно свидетельствовавшие о победе, одержанной мужественными гражданками над лейб-гвардейцами, что уподобились лакеям. Вручив гражданкам лавровую ветвь, председатель Конвента обратился к ним со словами:

«О, что за зрелище! Вас называют слабым полом, но каков ваш героизм, какое мужество! О, свобода! Вот они, чудеса, которые ты творишь! В те памятные два дня, когда кровь, пролившаяся в Версале, положила начало искуплению преступлений королей, ты зажгла в женских сердцах ту доблесть, что заставила бежать и пасть ниц перед отважными гражданками сателлитов тирана! Вдохновленные свободой, они своими нежными женскими ручками катили бронзовые орудия, исторгнувшие из огненных жерл грохот, донесшийся до ушей короля, предвещая грядущие перемены. Культ свободы, верными служителями которого стали французы, поистине обрел бессмертие, когда к почитателям его присоединились их жены и подруги! О, женщины! Со всех сторон свобода подвергается атакам тиранов, она нуждается в героическом народе, готовом защищать ее, и ваш долг произвести этот народ на свет. И да будут все младенцы Франции с молоком матери впитывать доблести воинские и гражданские, а сердца их наполняться добродетелями. Вместо цветов, коими обычно отдают дань красоте, представители суверенного народа вручают вам лавровую ветвь, символ мужества и победы. И вы передадите ее своим детям».

После обращения председателя Конвента женщины, развернув пушки по ходу движения колонны, присоединились к общему маршу суверенного народа, и с гордым видом вместе со всеми пошли к площади Революции.

Граждане прибыли на площадь Революции, место, где окончил свою жизнь тиран, место, где разыгрывались события сего славного и незабываемого дня 10 августа.

На обломках пьедестала, где прежде стоял памятник Людовику XV, воздвигли статую Свободы, символизирующую торжество революции. Ее щедро украсили дубовыми ветвями, их листва дарила при-

---

⁵ Имеется в виду поход женщин на Версаль 5-6 октября 1789 года, в результате которого король вынужден был пересечь в Париж.

ятную тень. Свободные французы увешали ветви дуба своими приношениями: трехцветными лентами, красными колпаками, листовками с революционными гимнами и лозунгами, рисунками и эмблемами, которые по нраву сей богине. В каменной чаше, расположенной возле ног статуи, сложили огромный костер, к которому вели несколько ступеней. Председатель Конвента во весь голос заявил:

«Здесь топор закона сразил тирана⁶. Так пусть здесь же, на наших глазах, стгнут позорные символы рабства, веками преумножаемые деспотами в самых разных формах! Пусть очистительное пламя уничтожит их, напоминая нам о том, что нет ничего вечного кроме добродетели! Правосудие! Отмщение! — вот истинные божества свободных народов. Так заклеим же навеки имя предателя, проклянем предателя от имени рода человеческого, ибо, вознесшись на трон великодушием народа, он обманул народное доверие. Свободные люди! Народ равных, народ друзей и братьев, отныне ты будешь славен только своими трудами, своими талантами и своими добродетелями. Отныне пика и красный колпак свободы, телега и сноп пшеницы, атрибуты ремесел, благодаря которым процветает общество, станут главными символами и почетными наградами Республики. Святая земля свободы, даруй свои плоды тем, кто разделит их со всем народом, и стань бесплодной для того, кто высокомерно заботится лишь о том, чтобы потешить свою гордыню».

После этой речи, в глубочайшей тишине, символы королевской власти бросили на костер, дабы принести их в жертву почитаемой всеми французами богине. И на глазах у собравшихся восемьдесят шесть комиссаров с факелами в руках взбегали по ступеням, соревнуясь в скорости, и поджигали костер. Так предали общественному проклятию память о тиране. И тотчас выпустили тысячи птиц, и ко многим были привязаны легкие ленточки с начертанными на них цитатами из Декларации прав. Птицы стремительно взмыли в воздух и понесли в небо свидетельство воцарившейся на земле свободы.

Кортеж двинулся на площадь Инвалидов, где была сделана очередная остановка. Посреди площади, на вершине горы, высилась колоссальная фигура, изображающая французский народ; под ней стояла надпись:

---

⁶ На площади Революции (бывшей площади Людовика XV) был казнен Людовик XVI. Сегодня площадь носит название Согласия.

Привилегии существовали в сотне разных форм; всемогущий народ уничтожил их во всех формах.

Прежде, чем проследовать дальше, председатель Конвента в речи своей предал проклятию чудовище федерализма:

«Французский народ! Взгляни на этого колосса, олицетворяющего твою мощь и энергию, и пусть он станет для тебя поучительным примером. Своими могучими руками гигант сей собрал и связал воедино все департаменты, он объединил их, и в этом его величие и сила. Чудовище, жаждущее разрушить единство этой связи, разъединить то, что соединила сама природа, это *федерализм*. Надменная гидра федерализма выползла из своего грязного болота; одной рукой раздвигая тростник, другой она попыталась вырвать несколько департаментов из общей связи, но французский народ, заметив это, взял дубину и пригрозил федерализму, заставил его убраться в свою гнилую лужу и остаться там навсегда. Народ, питающий отвращение к деспотизму, народ, предавший проклятию тиранов, сохрани свое величие, встань на защиту свободы, дабы впервые на земле явить великий пример объединения могущества, истины и правосудия. Объяви тем, кто жаждет твоего разобщения, такую же войну, как и тем, кто стремится уничтожить тебя, ибо и те, и другие совершают преступление. Пусть руки твои, простершиеся от Океана до Средиземного моря, и от Пиренеев до вершин Юры, повсюду заключат в объятия братьев своих и своих детей. Управляй согласно праву и закону самой прекрасной страной в мире и подавай пример народам, все еще пребывающим в рабстве и исполненным зависти к силе и богатству. Став свидетелем твоего процветания, эти народы вслед за тобой ощутят потребность завоевать себе свободу, ибо благодаря обретенной тобой свободе тебе захотят подражать все народы земли».

Затем шествие направилось к Марсову Полю. Прежде, чем ступить на него, все должным образом отдали честь равенству, кое должно властвовать в подлинной республике. Всем, без соблюдения отличий, пришлось пройти под портиком, о сооружении которого позаботилась сама природа, взявшая на себя все расходы: на определенном расстоянии друг от друга были поставлены два здания терм, символов равенства и свободы, и густая листва затеняла их. Между ними, на уровне крыш, убранных зелеными ветвями, была протянута трехцветная гирлянда, а к ней подвешен большой

ватерпас, национальный уровень, который раскачивался над всеми головами без различия.

Прибыв на Марсово Поле, председатель Конвента, восемьдесят шесть комиссаров, делегированных департаментами, и посланцы первичных собраний поднялись по ступеням алтаря отечества и разместились наверху, народ же окружил алтарь. Затем каждый, кто пожелает, подошел и возложил к алтарю отечества свое приношение, будь то плоды своих трудов, орудия своего ремесла или произведения своего искусства. Таким образом, алтарь отечества оказался украшен гораздо пышнее, нежели если бы его убранство создали силами искусства. По завершению церемонии народ занял места вокруг алтаря, и председатель Конвента возложил на алтарь отечества результаты подсчета голосов первичных собраний, голосов французского народа, отданных за Конституцию. Под сводом небес и перед лицом представителей суверенного народа Конституция была принята.

«Французы, представители, которым вы оказали свое доверие, воззвали к вашему разуму и вашей совести в восьмидесяти шести департаментах, и все восемьдесят шесть департаментов одобрили Конституционный акт. Никогда еще столь великая народная Республика не была учреждена при единогласной поддержке народа, его единодушным желанием. Год тому назад на нашу землю вторгся неприятель; мы провозгласили Республику и победили врага. Теперь, когда мы обустроиваем Францию, Европа нападает на нас со всех сторон; так поклянемся же защищать Конституцию до самой смерти. Республика вечна!»

По завершению речи все собравшиеся единодушно поклялись, не щадя жизни защищать Конституцию, и артиллерийский залп возвестил о принятии сей гражданской присяги. После этой церемонии восемьдесят шесть комиссаров, делегированных народными собраниями департаментов, вручили председателю Конвента свои пики, которые они несли в руках все время шествия. Председатель собрал их вместе, перевязал трехцветной лентой, и вручил связку, символизовавшую непобедимость единого народа, народным представителям. Затем, со словами «Народ, я вручаю тебе Конституцию, дабы добродетели твои оберегали ее», председатель Конвента передал народу ковчег с текстом Конституции. Народные представители, с почтением принявшие этот дар, тор-

жественно понесли его. Сия трогательная сцена завершилась тысячекратно повторенным братским поцелуем.

Далее председатель Конвента напомнил гражданам о героических подвигах во славу отечества, совершенных их собратьями, которые погибли, защищая свободу народа, и призвал всех выполнить священный долг уважения, почтив гимнами и музыкой геройскую кончину доблестных воинов.

«Граждане, сейчас мы в присутствии французского народа торжественно провозгласили принятие Конституции. В этот праздничный день, в такую минуту, разве можем мы не сказать слов прощания нашим братьям, павшим в сражениях? Они не могли диктовать статьи нашей свободы, но Конституция Франции написана и их кровью, их героическое самопожертвование Республика будет помнить вечно! Бесстрашные мужи! Память о вас навсегда останется в наших сердцах! Священная урна! Я воздаю тебе честь и хвалу, и от имени французского народа запечатлеваю на камне твоим братский поцелуй; Национальный Конвент и отечество венчают своих защитников лавровым венком, и я возлагаю его на урну с вашим прахом. Мы не станем оплакивать вашу смерть: глаза мужей не созданы для слез. К чему слезы? Мы не оставим их ни вашим родным, ни вашим друзьям, ибо слава ваша станет им утешением. Вспоминая вас, они скажут: им повезло, они упокоились со славой. Вы достойно прожили свою жизнь, и родные могут быть уверены, что память о вас будет вечной. Ах, какое было бы счастье, если бы нас услышали павшие герои! Они погибли за отечество, за землю, возлюбленную природой и хранимую небом, за великодушную нацию, возведшую в культ чувствительность и добродетель. Они пали за республику, где почести и награды больше не зависят от милости знати, как в других государствах, а присуждаются тем, кто заслужил уважение и доверие народа. Они выполнили свой долг, все их прежние ошибки прощены. Исполнив самое славное предназначение мужчин и французов, вы обрели желанный покой, облеклись могильным мраком и тишиной. И мы не станем оскорблять вас, предаваясь печали и проливая слезы.

Слушайте же, о погибшие братья мои! Стремясь почтить вас, мы выражаем вам свое восхищение. Любя вас, мы пребываем в сладостных мечтах о том, что вы сверху смотрите на нас, живых, на дорогих вашим сердцам людей, что скорбят о вас в этом мире. И я

хочу обратиться к вам от имени всех друзей свободы, оставшихся у вас на французской земле. Хочу сказать вам, что мы всегда берем с вас пример, помним о вас в ожидании схватки с врагом, помним, когда стремимся подражать вам в доблести. Хочу сказать, что вы по-прежнему живете в наших сердцах, и уверен, что ваши сердца возрадуются, когда я скажу вам, что мы торопимся превзойти вас в героизме. Ведь если мы станем жить лишь воспоминаниями о ваших подвигах и славе, кои вы нам завещали, если не станем стремиться превзойти вас в добродетелях, уверен, вам это будет не в радость, а лишь опечалит. Нет, ваше превосходство над нами пробуждает в нас стремление стать лучше. Смерть собирает свою жатву и среди трусов, и среди храбрецов. Когда судьба призовет нас к вам, что скажем мы вам, чем докажем, что брали с вас пример? Что ответим, услышав громкий глас: “Храбро ли вы сражались за справедливость и свободу?!” Дорогие сограждане, великодушные воины, мы обещаем быть достойными вас, дабы в ином мире нас встретили объятия ваши и ваши похвалы. Мы будем мстить за вас, а когда придет наш черед, расскажем вам, что мы завершили ваше дело, подхватили оружие, выпавшее из ваших рук и, унаследовав его, сделали непобедимым. Республика торжествует, Республика противостоит всем тиранам, всем гнусным заговорщикам, всем народам, позорящим себя служением тиранам. Человечество поручило дело своей свободы нашей Республике, и именно она спасет человечество».

Водрузив погребальную урну с прахом на алтарь отечества, председатель Конвента увенчал ее лавровым венком, а затем передал народным представителям. Народ принял ее и величественным маршем направился к специально сооруженной для нее великолепной пирамиде, где установил ее на специальном возвышении.

По завершении торжественной церемонии была устроена скромная трапеза, во время которой люди, усевшись на траве и под навесами, поставленными для этой цели по краям Марсова поля, по-братски разделили друг с другом принесенную с собой пищу. Там же, на Марсовом поле, на специально сколоченных высоких подмостках, средствами пантомимы представили главные события революции.

Но празднование происходило не только на главных улицах. Ибо Коммуна Парижа велела в каждой секции перед домом ее

председателя поставить большой стол, за которым для братской трапезы обязаны были собраться все жители квартала, без различия пола, возраста и должности, а также федераты, коим все члены секции должны были оказывать почет и уважение. Если кто-то по немощи не сможет прийти, того следовало принести на руках. Еду члены секции обязаны были принести с собой, а если кому-то было нечего принести, согражданам следовало по-братски с ним поделиться. И первый тост всем было предписано поднять за царство свободы и братства, а затем все граждане обменивались поцелуем мира, дабы федераты чувствовали себя в столице, как у себя дома.

Перевод с французского Елены МОРОЗОВОЙ

